

Петр Александрович Плетнев

Чичиков, или "Мертвые души" Гоголя

Критика 40-х гг. XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева.-- М.: ООО "Издательство "Олимп""; "Издательство "АСТ", 2002 (Библиотека русской критики)

OCR Бычков М. Н.

I

К вам, г. редактор "Современника", я обращаюсь с моими замечаниями о новом сочинении Гоголя и о других предметах, прикосновенных к делу критики, -- потому к вам, что сами вы не любите говорить много, и еще более потому, что, кажется, не занимаетесь суждениями других журналистов. Следовательно, вы, как говорится, человек свежий.

Я прочитал в "Северной пчеле", что у Гоголя, судя по Чичикову, нет таланта, что книга написана без вкуса и что даже она наполнена литературными непристойностями¹. Обвинения, взведенные на писателя, давно известного с хорошей стороны публике, естественно заставили меня поскорее приняться за чтение поэмы. По-моему выходит, что Гоголь едва ли не на столько же поднялся выше в искусстве, сравнительно с прежними его произведениями, сколько он своим талантом вообще превосходит теперешних русских писателей. Скажу более: мне кажется странно, говоря о нем, входить в объяснение, чем сочинение его лучше той или другой книги из напечатанных с ним в одно время. У него в искусстве не видно уже авторского усилия приблизиться к определенной цели, как, например, навести читателя на любимую идею, развеселить его забавною сценою, растрогать идеальною картиною горестного положения, красивым описанием природы приготовить воображение к поразительной нечаянности и тому подобное. Он сам весь проникнут жизнью -- и вместо того, чтобы сочинять, он воплощает в действительность свою внутреннюю жизнь, это чудное вместилище всего внешнего. Вышедши из своего уединения мысли на поприще явлений жизни, он обязанность созерцателя перемещает на ощущение действующих, и мы видим только ряд поразительных сцен, не подозревая, что дело состоит в искусстве автора. Таково было всегда расстояние от великих, впрочем, столь редко появляющихся художников, до самых умных, разборчивых и всякой похвалы достойных их учеников или последователей. То, что говорили у вас в Петербурге об игре Листа, меня наводит на эту же мысль. Состояние души его во время исполнения музыки и то, чем сила его чудного постижения наполняет, проникает, так сказать, дробящиеся у другого звуки, и то, что он действительностью сочувствия с идеею автора вносит в сердце слушателей, разве это все усилие искусства, а не страдание или радость жизни? Разве можно при этом говорить о чистоте, вкусе и беглости игры другого артиста, чтобы каждому отдать ему принадлежащее?

II

Вы не подумаете конечно, что поэма Гоголя начата без основной идеи, что искусство ему не покоряется и что он влечется за мимолетающими ощущениями. Но дело в том, что у писателей высшего разряда, как в самой природе, явления просты, доступны постижению всякого, а зарождаемые ими мысли разнообразны, обширны и толпятся в душе во всех видах, какие только созерцающая душа воспринимать способна. Сколько людей рассматривает, например, захождение солнца. Всем знакомы явления, его сопровождающие, между тем как у каждого из размышляющих почти всякий раз возникает новая идея при этом зрелище. На книгу Гоголя нельзя иначе смотреть, как только на вступление к великой идее о жизни человека, увлекаемого страстями жалкими, но неотступно действующими в мелком кругу общества. Мы еще не знаем, куда вынесет его этот поток, а между тем видим развитие первых склонностей души и уже прожили с героем период замечательный, не по действиям его, но по впечатлениям. То еще впереди, что в поэме называется действием: перед нами только поднята завеса для объяснения первых, странных его шагов. Неизвестный никому человек прибыл в губернский город. Исполнив известные обряды общежития, он втирается в тамошний круг. Это представляет ему возможность завести поодиночке с каждым из владельцев неожиданный и неслыханный дотоле торг. Он